

УДК 316.346.32-053.6

ЛЮДМИЛА СОКУРЯНСКАЯ,

доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина (Харьков)

СВЕТЛАНА ЩУДЛО,

доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой правоведения, социологии и политологии Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко (Дрогобыч)

Подростки в пограничном пространстве: ценностные ориентации и жизненные планы

Аннотация

В статье анализируются некоторые результаты международного социологического исследования “Молодежь на пограничьях Центральной и Восточной Европы”, проводившегося в течение 2015 года среди выпускников школ приграничных территорий Украины, Польши и Венгрии. Осуществлен сравнительный анализ ценностных ориентаций и жизненных планов подростковой молодежи этих стран. Внимание акцентируется на отношении украинских, польских и венгерских школьников к образованию как терминальной и инструментальной ценности. Анализируются факторы, обусловившие образовательный бум в современной Украине. Выявляется общее и отличное в аксиодискурсах и жизненных притязаниях старшеклассников на украинско-польском и украинско-венгерском пограничье. Формулируются выводы касательно определенного ценностного единства и одновременно различий в ценностных ориентациях и жизненных планах подростков, рисков и перспектив их самореализации в условиях приграничья.

Ключевые слова: *подростки, пограничье, ценностные ориентации, жизненные планы, образование*

В контексте современного социологического знания с его акцентом на “процессуальном образе” [Sztompka, 1991: р. 9] социальной реальности в глобальной и локальной перспективах все больше внимания уделяется поиску субъектов трансформаций, происходящих сегодня в мире. В течение почти 30 лет новейшей истории Украины одним из главных субъектов тех событий, которые привели к кардинальным преобразованиям нашего общества, была молодежь, в частности студенческая (вспомним хотя бы Революцию на граните, Оранжевую революцию и Революцию Достоинства). Не случайно студенчество является объектом многочисленных исследований (теоретических и эмпирических) украинских социологов. Авторы данной статьи также имеют значительный опыт изучения указанной социальной группы (см.: [Сокурянська, 2006; Українське студентство у пошуках ідентичності, 2012; Щудло, 2014; и др.]). Однако молодой человек, поступающий в вуз, — это не *tabula rasa*; это личность, которая в своих действиях руководствуется определенными ценностями и нормами; имеет более или менее сформировавшиеся политические взгляды, представления об обществе, в котором живет, и мире в целом. Все это было интериоризировано индивидом в так называемый формационный период (12–17 лет, по Р.Инглхарту) [Inglehart, 1997], то есть период наиболее интенсивного формирования личности. Разумеется, вузовский этап социализации человека привносит определенные (порой значительные) коррективы в его ценностный мир, политико-идеологические предпочтения, жизненные стратегии, субъектные характеристики и т.п. Однако именно подростковый возраст во многом определяет ценностные предпочтения человека и повседневные практики, направленные на их реализацию. Именно поэтому подростковая молодежь как никогда часто попадает в сферу внимания представителей разных социогуманитарных наук, в том числе социологов, включая украинских (см.: [Бондар, 2014; Сокурянська, 2017]).

Несмотря на это, вопросы, рассмотрению которых посвящена данная статья, еще не получили достаточно глубокого освещения в социологической литературе, по крайней мере отечественной. Наше обращение к анализу ценностных ориентаций и жизненных планов подростков пограничья обусловлено тем, что пограничное пространство является территорией, которая сближает государства и цивилизации, где происходит культурная диффузия, обмен и взаимопроникновение культур. Включенность в это пространство существенно влияет на мировоззренческие позиции личности, прежде всего молодой. Как отмечает С.Хобта, “граница — это полоса особого жизненного пространства, продуцирующая особые жизненные практики и идентичности” [Хобта, 2010: с. 412].

В условиях Украины исследование молодежи, проживающей в приграничных регионах, актуализируется в связи с тем, что на этих границах сталкиваются “миры”, культуры, общества, отличающиеся уровнем модернизации, политическим режимом, экономическим развитием и т.п. Изучение аксиодискурса молодежи пограничья Украины и некоторых других стран Восточной и Центральной Европы актуально исходя из того, что благодаря этому мы можем получить ответ на вопрос о том, существует ли определенное европейское ценностное единство (а для Украины — сближение) хотя бы на уровне ценностного сознания молодежи, живущей в непосредственной близости с представителями другой культуры, а значит, иной системы ценностей.

Для украинского общества ответ на этот вопрос важен еще и потому, что поможет выяснить, какой вектор геополитического развития нашей страны (ориентация на Евросоюз или ориентация на Таможенный союз) в большей мере отвечает ментальным характеристикам ее граждан; влияет ли на эти характеристики проживание на территориях, максимально приближенных, с одной стороны, к странам Евросоюза, Шенгенской зоны, а с другой — к России.

Проблемная ситуация, обуславливающая необходимость исследования украинской подростковой молодежи, проживающей в приграничье со странами Центральной и Восточной Европы, в онтологическом плане состоит в противоречии между декларируемым украинским государством курсом на евроинтеграцию и ментальными особенностями, в частности ценностным миром, значительной части его граждан, который пока еще далек от европейского ценностного дискурса.

Гносеологическая составляющая обозначенной проблемы актуализируется недостаточностью научного знания, в частности социологического, относительно факторной обусловленности трансформации ценностных предпочтений украинцев, включая молодежь, являющихся жителями приграничных регионов нашей страны. Получение такого знания поможет выяснить, способствует ли проживание в таком пространстве транзиту от так называемых постсоветских к европейским ценностным ориентациям граждан Украины.

Обозначенная проблемная ситуация определила актуальность исследования, результаты которого изложены в предлагаемой публикации.

Что касается степени разработанности вопросов, обозначенных в теме нашей работы, то, как подчеркивалось выше, специальных исследований ценностных ориентаций, жизненных планов и т.п. подростковой молодежи, проживающей на приграничных территориях Украины, практически нет. Исходя из этого, мы выстраивали теоретическую базу исследования на трех дискурсах современной социологии: молодежном (подростковом), ценностном и дискурсе пограничья.

Итак, первый теоретический фокус нашего исследования сосредоточен на феномене подростковости, открытие которого, как считается, принадлежит американскому психологу Г.С.Холлу [Hall, 1904]. По мнению ученого, подростковый период сопровождается духовной перестройкой социализирующейся личности (см. подр.: [Hall, 1904: р. 71–72]). Это проявляется не только в интериоризации культурных норм и ценностей, доминирующих на макро- и микросоциальном уровне, но и в привнесении в социум новых аксиофеноменов, что особенно характерно для современных стремительно меняющихся обществ. В этом процессе огромную роль играет окружение подростка, тот социальный контекст, в котором он находится. Многие исследователи, например К.Гриффин, уделяют особое внимание контексту подростковости, который, с точки зрения исследовательницы, является базисным феноменом в конструировании молодежной идентичности [Griffin, 1999]. Это крайне важно для нашего исследования, поскольку мы пытались определить, как социокультурный контекст пограничья влияет на формирование личности подростка, его ценностный мир, жизненные планы и т.п.

Анализируя ценностные ориентации молодежи пограничья, мы исходили из известной типологии ценностей Шеллера–Рокича (см.: [Scheler,

1923]), согласно которой ценности делятся на терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства). Важная роль в концептуальном обосновании нашего исследования принадлежит теоретическим построениям Р.Инглхарта. Кроме его концепции о “формативном периоде личности”, главным содержанием которого является интериоризация индивидом определенной системы ценностей, отправными точками нашего собственного теоретизирования в контексте выбранной исследовательской проблемы были идеи Р.Инглхарта о ценностном сдвиге в глобальной и локальной перспективах, а именно о транзите от материалистических к постматериалистическим (постмодернистским) ценностям, а также его гипотеза когнитивной мобилизации общества, согласно которой постмодернизация ценностного сознания населения той или иной страны, прежде всего молодежных когорт, происходит, в частности, под влиянием повышения уровня их образованности [Inglehart, 1990; Inglehart, 1997, Inglehart, 2012]. Исходя из этого, при анализе ценностных ориентаций подростковой молодежи пограничья особое внимание мы уделили ориентациям на такую ценность, как образование.

Проблематика пограничья в отечественной социологии пока исследована недостаточно. Среди работ украинских ученых по этой проблематике наше внимание привлекли публикации, в которых пограничье рассматривается как пространство интенсивного взаимодействия культур и народов и сделан акцент на том, что культурная трансмиссия, происходящая в этом пространстве, влияет на формирование ценностно амбивалентной личности (см.: [Кравченко, 2012]).

Опыт проведения эмпирических исследований в приграничных регионах Украины также незначителен. Здесь нужно отдать должное нашим коллегам — социологам Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, а именно профессору И.Кононову и доценту С.Хобте, которые проводили исследования студенческой и школьной молодежи восточного пограничья нашей страны [Кононов, 2014; Хобта, 2014]. Такой опыт есть и у авторов этой статьи (див.: [Сокурская, 2017; Сокурская, 2015; Sokuryanska, 2015; Щудло, 2015; Zielinska, 2017]).

Заметим, что проблематика пограничья достаточно активно исследуется польскими социологами, в частности П.Длугошем, М.Зелинской, А.Садовским и др. [Dlugosz, 2016; Zelinska 2017; Sadowski, 2015]. В последние годы в Польше (Зелена Гура, Сянок) проведен ряд международных научных конференций, издано несколько сборников научных работ, статей, посвященных анализу процессов, происходящих на пограничьях Европы [Na pograniczach, 2015; Transgranicznosc, 2012].

Эмпирической базой нашей статьи служат результаты второго этапа международного социологического исследования “Молодежь на пограничьях Центральной и Восточной Европы”, идея проведения которого принадлежит П.Длугошу (Жешувский университет, Польша) (см.: [Dlugosz, 2016]). Авторы данной публикации были координаторами проекта в Украине. Первый этап реализовывался в 2013 году среди молодежи украинско-польского пограничья городов Дрогобыч и Перемышль. Опрос в рамках второго этапа проводился в мае — июне 2015 года методом анкетирования среди учеников выпускных классов городских и сельских общеобразовательных школ отдельных приграничных регионов Украины, Польши и Венгрии. Исследование было организовано как omnibusное. Выборка форми-

ровалась как районированная с учетом типа населенного пункта (город, районный центр, село). Объем выборки составлял: Харьков и область — 428 человек, Дрогобыч и близлежащие села — 392 человека, Ужгород и область — 400 человек, Перемышль и близлежащие села — 413 человек, Жешув и близлежащие села — 294 человека, Зелена Гура и близлежащие села — 336 человек, Ниредьгаза и близлежащие села — 359 человек. Исследование было пилотным, его выборка не является репрезентативной. Полученные результаты, разумеется, нельзя распространять на всю генеральную совокупность единиц наблюдения, однако благодаря ему мы нашли ответы на большинство вопросов, подлежавших изучению.

Формулируя цель указанного исследования, мы прежде всего пытались выяснить, какую роль играет молодежь пограничья в жизнедеятельности своего региона, являются ли ее ценностные ориентации, установки, повседневные практики фактором модернизации пограничья; или же, возможно, все это является фактором периферизации. Одной из главных задач исследования было выяснение того, что общего и отличного у молодежи пограничья Центральной и Восточной Европы; насколько симметрично это пограничье по обе его стороны¹. В фокусе нашего изучения находились также жизненные цели школьников пограничья, их образовательные планы и социально-профессиональные притязания, оценки шансов на жизненный успех и эмиграционные настроения, социально-территориальная идентичность и интерес к политике, влияние пограничья на досуговые практики молодежи, ее культурный и социальный капитал и т.п.

В рамках этой публикации мы сосредоточим внимание только на анализе ценностных ориентаций подростковой молодежи пограничья, в частности ее ценностного отношения к образованию, а также на жизненных планах наших респондентов. Итак, целью данной статьи является определение общего и различного в ценностных ориентациях и жизненных планах подростков, проживающих на пограничьях Центральной и Восточной Европы.

Реализуя эту цель, прежде всего проанализируем иерархию терминальных ценностей старшеклассников некоторых приграничных регионов Украины, Польши и Венгрии (табл. 1).

Сравнительный анализ информации, представленной в таблице 1, фиксирует различия (порой довольно существенные) в ценностных ориентациях, с одной стороны, украинских, а с другой — польских и венгерских школьников. Некоторые различия имеются также в аксиодискурсах школьников Харькова, Дрогобыча и Ужгорода, городской и сельской молодежи. Они проявляются в чуть большей значимости для выпускников школ Харьковщины таких ценностей, как *интересная, творческая работа и накопление богатства, высокие доходы*. В отличие от подростков Харьковщины, школьники Дрогобыча и Ужгорода в большей мере ориентированы на *реализацию религиозных заповедей и помощь другим людям*. Однако полученные нами данные свидетельствуют о том, что в украинском обществе (по крайней

¹ Эта задача не была реализована на украинско-российском пограничье, что обусловлено ситуацией, сложившейся ныне в отношениях между нашими странами, а также на польско-немецком — по ряду субъективных причин. Однако мы, как и наши польские коллеги, надеемся на следующем этапе нашего проекта привлечь к его реализации российских и немецких социологов.

мере в молодежной среде) нет того категоричного, непреодолимого ценностного разлома, о котором сегодня говорят некоторые отечественные и зарубежные политики и ученые. Это дает надежду на возможность ценностного консенсуса в нашей стране.

Таблица 1

**Иерархия терминальных ценностей школьников пограничья
(% ответивших “очень важно”)**

Варианты ответов	Украина			Польша			Венгрия
	Харьков	Ужгород	Дрогобыч	Зелена Гура	Жешув	Перемышль	Ниредьгаза
Получение высшего образования	65,1	59,0	60,5	35,3	26,2	38,4	61,1
Счастливая семья	83,5	78,2	83,2	73,6	68,7	68,3	83,8
Создание собственного дела (бизнеса)	33,9	30,1	21,4	15,7	9,5	12,2	21,6
Удовольствия и развлечения	29,4	24,5	17,9	23,1	23,1	17,5	18,4
Развитие своих способностей, самореализация	65,0	49,7	60,7	52,3	43,9	38,5	60,9
Спокойная жизнь, отсутствие волнений, неприятностей	44,7	49,7	43,9	38,0	44,2	32,3	44,3
Накопление богатства и высокие доходы	32,1	28,7	19,1	40,7	34,4	35,9	19,3
Завоевание уважения среди людей	47,7	49,7	44,1	42,0	46,6	44,3	44,7
Интересная, творческая работа	53,8	42,8	45,2	64,4	74,5	62,9	45,4
Жизнь по религиозным заповедям	14,1	26,9	32,2	13,2	24,1	23,1	32,6
Личная свобода, независимость в суждениях и действиях	51,2	48,8	55,1	45,0	37,8	44,7	55,7
Помощь другим людям	35,8	40,8	40,1	27,2	23,1	24,1	40,4
Иметь друзей	69,0	64,0	62,8	55,6	47,6	49,6	63,4
Достижение высокого статуса в обществе	36,5	35,7	27,3	30,1	32,0	26,9	27,5
Иметь власть	19,7	17,0	8,7	7,5	12,6	7,3	8,7

Сравнивая ценностные предпочтения украинских, польских и венгерских школьников, мы убедились в том, что такая ценность, как *семья* (что бы там ни говорили ученые, в частности социологи, о ее кризисе, трансформации и пр.), сохраняет непреходящую значимость на уровне молодежного сознания (1-е ранговое место во всех группах респондентов, кроме жешовских школьников). В тройке ценностей, самых важных среди подростков всех трех стран, оказались *друзья* (2–3-е место). Это не вызывает удивления, поскольку друзья, общение с ними всегда были одной из самых важных ценностей молодого возраста. Беспокоит лишь то обстоятельство, что сегодня, как свидетельствуют многочисленные исследования, виртуальное общение подростков, в том числе молодежи пограничья, активно вытесняет реальное. Это, на наш взгляд, может оказать важное (к сожалению, негативное) влияние на процесс социализации подростков. Более подробно мы планируем проанализировать эту ситуацию в будущих публикациях.

Продолжим наш анализ иерархии ценностных ориентаций подростковой молодежи пограничья Центральной и Восточной Европы.

Изучая различия в аксиодискурсе опрошенных нами подростков, мы акцентировали внимание на таких ценностях, как *получение высшего образования*. Эта ценность более значима для украинских и венгерских школьников (3–4-я позиции); школьники, опрошенные в Перемышле и Зеленой Гуре, поставили эту ценность на 9-ю, а в Жешуве — на 10-ю позицию). Это касается также *интересной, творческой работы*. В Польше актуальность этой ценности наивысшая (1–2-я позиции), в Украине — немного ниже (Харьков — 5-я, Дрогобыч — 6-я, Ужгород — 8-я позиция).

Чем объяснить выявленные расхождения в ценностном сознании школьников трех европейских стран, в частности в их отношении к ценности высшего образования? Полагаем, что более высокую значимость высшего образования для украинских школьников можно объяснить несколькими причинами, связанными прежде всего с социально-экономической и политической ситуацией в нашей стране. Именно этим, по нашему мнению, обусловлен образовательный бум в Украине, который мы наблюдаем в последние годы¹. По данным нашего исследования, планируют поступить в вузы 89,3 % опрошенных школьников Харькова, 82,1 % — Дрогобыча, 80,2 % — Ужгорода.

Назовем причины, объясняющие, с нашей точки зрения, стремление украинских школьников продолжить свое образование в высшей школе.

Во-первых, продолжительный экономический кризис, приведший к существенным изменениям на рынке труда, не позволяет выпускникам школ (и их родителям) надеяться на то, что они смогут найти работу, получив среднее образование. Разумеется, ее непросто найти, даже с высшим образованием, однако поступление в вуз на 5–6 лет отодвигает ситуацию трудоустройства. Кроме того, студенты получают стипендию (пусть небольшую, ее едва хватает на карманные расходы, но это все же материальная помощь семье).

Во-вторых, как свидетельствуют результаты многочисленных исследований, проведенных нами среди студентов Украины (см., напр.: [Сокурянська, 2016; Українське студентство у пошуках ідентичності, 2012]), высокая значимость образования обусловлена стремлением абитуриентов и, главное, их родителей (особенно с низким образовательным уровнем) повысить социальный статус своих детей.

В-третьих, в условиях ведения в Украине военных действий актуализировалось значение такого фактора, как отсрочка от службы в армии для студентов вузов, возможность быть подальше от зоны военного конфликта.

В-четвертых, согласно данным наших предыдущих исследований, для части (правда, не очень большой) выпускников школ характерно осознание того, что современные работодатели при приеме на работу в первую очередь обращают внимание на знания претендента на рабочее место и его профессиональную компетентность, которые можно получить в высшей школе.

¹ За минувшее десятилетие более 80% выпускников средних школ Украины планировали поступать в вузы; при этом шансы реализовать свои планы у них были и остаются вполне реальными: с 1991 по 2008 год количество университетов в Украине увеличилось более чем вдвое — со 149 до 351. Но за последние годы их количество постепенно уменьшается и составляет 325 (в 2014 году) [Вищі навчальні заклади України, 2017].

Еще одной причиной может оказаться то обстоятельство, что для части школьников высшее образование является важнейшей терминальной ценностью (самоценностью), благодаря которой они смогут самореализоваться. Не случайно такая постмодернистская ценность, как *развитие своих способностей, самореализация*, в иерархии ценностей украинских школьников занимает 3-ю ранговую позицию в Дрогобыче, 4-ю — в Харькове и 5–7-ю — в Ужгороде. Заметим, что эта ценность (самореализация) достаточно важна и для польских подростков, однако, возможно, они надеются самореализоваться не только и не столько благодаря высшему образованию, сколько за счет других факторов.

Анализируя объективные и субъективные причины, которые, на наш взгляд, могли бы обусловить такой высокий уровень ориентации украинских школьников на получение высшего образования, мы обнаружили связь только с одним из них — с гендерной принадлежностью (см. табл. 2).

Таблица 2

Гендерные различия в оценках значимости высшего образования украинцев, польских и венгерских школьников (% выбравших ответ “очень важно”)

Гендерные группы	Украина			Польша			Венгрия
	Харьков	Ужгород	Дрогобыч	Зелена Гура	Жешув	Перемишль	Ниредьгаза
Юноши	26,8	20,5	28,6	55,0	58,6	50,0	49,7
Девушки	42,9	36,6	48,3	65,6	70,5	65,4	62,5
Всего	35,3	26,2	38,4	60,5	65,1	59,0	61,1

Отметим, что мы не зафиксировали корреляции между ценностью *получения высшего образования* ни с местожительством (город, село), ни с культурным капиталом семьи наших респондентов.

В этом контексте подчеркнем, что тенденция феминизации высшего образования, характерная для многих современных обществ, становится все более ярко выраженной. Эта тенденция может иметь несколько объяснений. Во-первых, по данным наших предыдущих исследований и школьной статистики, девушки лучше учатся, чем юноши, и потому их шансы поступить в вуз выше. Во-вторых (и в этом случае мы тоже опираемся на данные наших исследований прошлых лет), у современных девушек существенно возросли карьерные притязания (для некоторых из них *профессиональная карьера* становится более значимой ценностью, чем создание семьи). В-третьих, возможно, юноши более реалистичны в своих оценках современного рынка труда, считая, что высшее образование далеко не всегда обеспечивает место работы, тем более высокооплачиваемой.

А теперь обратимся к анализу инструментальных ценностей опрошенных нами школьников (то есть ценностей-средств, способствующих, в частности, реализации терминальных ценностей — ценностей-целей). Для такого анализа мы воспользовались ответами наших респондентов на вопрос о факторах успешного трудоустройства по окончании вуза, которые, по нашему

мнению, можно рассматривать и как факторы профессионального и, шире, жизненного успеха. Заметим, что школьники всех трех стран, высказывая свое отношение к тем или иным суждениям относительно собственной жизни, прежде всего говорили о желании достичь жизненного успеха. При этом они были единодушны в том, что благодаря настойчивому труду можно достичь всего, чего хочешь, и уверены, что не нуждаются в посторонней помощи, чтобы добиться успеха. В таблице 3 приведены ответы школьников на вопрос о факторах успешного трудоустройства после получения образования.

Таблица 3

**Оценка школьниками факторов успешного трудоустройства
(% выбравших ответ “однозначно да”)**

Варианты ответов	Украина			Польша			Венгрия
	Харьков	Ужгород	Дрогобыч	Зелена Гура	Жешув	Перемышль	Ниредьгаза
Знакомства, протекция родителей, родственников, друзей	31,2	27,3	18,2	49,3	49,0	52,6	48,7
Высокий уровень профессиональных знаний, умений и навыков	61,3	46,2	66,0	42,2	42,5	46,4	51,5
Диплом о полученном образовании	49,8	45,4	49,2	26,7	31,3	36,6	43,7
Инициативность и предприимчивость	49,5	32,2	32,9	23,9	11,2	21,6	26,7
Материальное положение родителей	25,4	28,2	13,7	19,2	18,7	17,1	15,3
Выбранная специальность, профессия	48,0	39,7	37,6	32,3	28,2	25,8	27,0
Старательность, трудолюбие	57,3	49,6	54,3	36,1	28,9	27,5	46,2
Место жительства	20,7	23,4	15,4	22,2	13,6	25,7	20,1
Хитрость, сообразительность	34,0	27,9	27,6	16,7	14,3	14,3	36,5
Счастливый случай, везение	25,0	29,3	17,4	17,1	8,8	13,7	27,3
Социальное происхождение	13,2	20,2	10,1	10,6	5,1	10,0	21,2
Внешний вид, привлекательность	22,7	22,9	12,7	17,3	13,6	10,7	48,2
Политические взгляды	10,4	9,0	4,9	3,9	5,1	4,9	13,6
Престиж законченного учебного заведения	29,5	27,1	19,5	17,1	18,7	17,5	26,2
Знание иностранных языков	56,5	50,9	49,5	59,1	55,1	56,9	71,6

Анализируя приведенные в таблице 3 данные, мы вновь, как и в случае с терминальными ценностями, обнаружили ценностную близость украинских школьников восточного и западного пограничья и некоторое расхождение их ценностных предпочтений с аксиодискурсом школьников Польши и Венгрии. Если в иерархии факторов успешного трудоустройства (инструментальных ценностей) школьников Харьковщины и Дрогобыча первое место принадлежит такой ценности, как *высокий уровень профессиональных знаний, умений и навыков* (в Ужгороде эта ценность занимает 3-ю ранговую позицию), второе — *трудолюбию* (во всех трех подмассивах), а третья (в

Дрогобыче и Харькове) — *знанию иностранного языка*, то для польских и венгерских школьников наибольший вес имеют *знание иностранного языка* (1-е место в обеих странах), *знакомства, протекция родителей, родственников, друзей* (2-е место в Польше, 3-е — в Венгрии), *высокий уровень профессиональных знаний, умений и навыков* (3-е место в Польше и 2-е — в Венгрии). Наиболее существенные различия в оценках факторов успешного трудоустройства между украинскими школьниками, с одной стороны, и польскими и венгерскими — с другой, мы выявили прежде всего в отношении такой *ценности*, как знакомства, протекция. Опрошенные нами школьники Польши и Венгрии оценивают их, как мы уже отмечали, куда выше, чем украинские школьники. Полагаем, это может объясняться тем, что, в отличие от негативной коннотации в восприятии протекционизма и нужных связей, характерной для украинского общества (по крайней мере на уровне деклараций) и воспроизводимой украинскими подростками, польские и венгерские школьники, вероятнее всего, воспринимают знакомства, протекцию как *социальный капитал*, без которого решение тех или иных жизненных вопросов весьма проблематично.

Некоторые различия зафиксированы также в отношении к такой ценности, как *инициативность, предприимчивость*. Здесь ситуация противоположная: более высокий уровень ориентации на эту инструментальную ценность характерен для украинских школьников. Что касается *внешнего вида, привлекательности*, то ниже всего расценивают это как фактор жизненного успеха школьники Перемышля и Дрогобыча, выше всего — венгерские школьники. Единственная инструментальная ценность, по поводу которой мы зафиксировали полное единодушие всех опрошенных нами школьников, — это политические взгляды (последняя, 15-я ранговая позиция во всех странах).

Следовательно, высокая значимость высшего образования для школьников, опрошенных в Украине, получила подтверждение в их отношении к инструментальным ценностям, в частности в высокой оценке *профессиональных знаний, умений и навыков* как важнейшего фактора профессионального и в целом жизненного успеха.

Отношение опрошенных нами подростков к образованию прежде всего как к самой важной терминальной ценности нашло отражение и в их жизненных планах (см. табл. 4).

Таблица 4

**Планы школьников после завершения обучения
(% ответивших)**

Варианты ответов	Украина			Польша			Венгрия
	Харьков	Ужгород	Дрогобыч	Зелена Гура	Жешув	Перемышль	Ниредьгаза
Продолжить обучение	70,3	74,9	62,0	43,7	32,5	48,0	63,2
Пойти работать	2,7	2,1	10,7	15,7	28,3	14,0	10,0
Одновременно работать и учиться	24,6	19,5	19,7	33,5	25,4	27,5	20,9
Остаться дома	2,4	3,3	4,1	0,4	0,0	1,3	0,6
Еще не определились	0,0	0,3	3,6	6,7	13,4	9,2	5,3

Таблица 5

Типы учебных заведений, в которых выпускники украинских школ планируют продолжить обучение (% к ответившим)

Планы относительно поступления в учебные заведения	Харьков	Ужгород	Дрогобыч
Высшее учебное заведение (университет, академия и т.п.)	89,3	80,2	82,1
Колледж (техникум)	7,2	10,2	10,2
Профессиональный лицей, училище	3,0	7,9	6,1
Другое	0,5	1,7	1,6

Тенденция, о которой мы писали выше, продолжает нарастать: почти 90% выпускников школ Харьковщины, свыше 82% дрогобычских и более чем 80% ужгородских старшеклассников планировали поступать в вузы. Популярность колледжей, техникумов и особенно ПТУ значительно ниже (прежде всего среди школьников Харьковщины) (см. табл. 5).

В рамках нашего анализа мы попытались выяснить, какими мотивами руководствовались бы наши респонденты, если бы у них появилась возможность учиться за рубежом (см. табл. 6).

Таблица 6

Мотивы получения высшего образования за границей (% к ответившим)

Варианты ответов	Харьков	Ужгород	Дрогобыч
Чтобы получить диплом зарубежного университета	38,7	44,5	47,4
Чтобы увидеть мир	69,1	48,8	53,0
Там выше уровень обучения, лучше образование	49,3	48,0	56,8
Благодаря обучению за границей есть возможность выехать из своей страны	31,9	11,4	30,3
Там лучше оборудованы лаборатории, библиотеки	21,6	18,9	18,8
Там выше уровень жизни	54,6	45,7	44,4
Там есть демократия и свобода слова	18,1	15,7	8,1
Там есть учебное заведение, самое близкое к Вашему дому	2,5	0,4	2,1
После обучения за границей будет легче найти работу, сделать карьеру	50,7	47,2	31,6
Там можно лучше реализовать, развивать свои способности	55,3	48,4	17,5
Там безопаснее, далеко от войны и конфликта	20,9	6,3	7,3
Легче стать независимым, самостоятельным	24,1	13,4	6,0
Там насыщенная жизнь, возможность интересно провести свободное время	36,2	22,8	10,7
Нет коррупции, не нужно дополнительно платить преподавателям за экзамены и зачеты	21,6	28,3	9,4
Другое	3,5	3,5	0,9

Как свидетельствуют данные, приведенные в таблице 6, самым важным мотивом обучения за границей для школьников Харьковщины и Ужгорода является познавательная цель — *желание увидеть мир* (69,1% и 48,8% соответственно). Для школьников Дрогобыча самый важный мотив — представление о том, что заграничное образование более качественное (56,8%). Можно предположить, что школьники западного пограничья имеют больше шансов путешествовать по территории соседних европейских государств, поэтому среди них меньше тех, кто рассматривает образование за границей как возможность познания мира.

Вторым по значимости мотивом для школьников Харьковщины и Закарпатья является возможность самореализоваться (55,3% и 48,4% соответственно).

Существенно разнятся ответы школьников восточного и западного пограничья Украины в отношении такого мотива, как *за границей безопаснее, далеко от войны и конфликта*. Харьковщина — регион, близкий к зоне военного конфликта и границе с Россией. Этот фактор актуализирует для харьковских школьников такой мотив, как желание учиться в более безопасной среде (20,9%). Следует обратить особое внимание на то, что достаточно большая доля украинских школьников хотели бы учиться в зарубежных вузах, поскольку считают, что там *нет коррупции*.

Украинские школьники акцентируют такие преимущества зарубежного обучения, как возможность получить более качественное образование и увидеть мир, выехать за пределы своего локального пространства в пространство с высшим уровнем жизни, более безопасное и дающее больше возможностей для самореализации.

В этом контексте нужно подчеркнуть, что социально-статусные притязания школьников, в частности их ориентации на получение высшего образования, во многом обусловлены установками их родителей. Как показало наше исследование, стремление получить высшее образование характерно не только для подростков, чьи родители имеют высокий образовательный статус, но и для тех, чьи родители не получили даже среднего образования. При этом, по результатам данного, как и предыдущих наших исследований, большинство семей с низким образовательным уровнем родителей — это беднейшие семьи. Стремление таких родителей дать своим детям высшее образование обусловлено прежде всего желанием повысить их экономический статус.

Заметим, что, сравнивая свои шансы на получение высшего образования с шансами, которые были у их родителей, большинство опрошенных нами школьников считали их более высокими (особенно в Польше). Наибольшей оказалась доля тех, кто отметил, что их шансы на получение высшего образования ниже, чем у поколения родителей, среди венгерских школьников (20,0%) (см. табл. 7).

Школьники всех стран, где проводилось исследование, выше оценивают свои шансы (в сопоставлении с шансами родителей) и по таким вопросам, как *возможность получить интересную работу, достичь высокого положения в обществе* (кроме венгерских школьников), *путешествовать* и т.п.

Оценивая свои шансы на реализацию жизненных планов в целом, большинство опрошенных во всех странах признавали их очень высокими (в Зеленой Гуре — средними). Будем надеяться, что так и будет, что новое поколение украинской, польской и венгерской молодежи реализует свои цен-

ностные ориентации, достигнет желаемого и что у старшего поколения не будет причин называть современную молодежь “потерянным поколением”.

Таблица 7

Оценка школьниками шансов получить высшее образование по сравнению с поколением родителей, %

Варианты ответов	Украина			Польша			Венгрия
	Харьков	Ужгород	Дрогобыч	Зелена Гура	Жешув	Перемишль	Ниредьгаза
Выше	50,0	50,4	65,5	66,5	61,3	71,4	52,7
Такие же	30,0	30,5	20,5	23,9	23,7	17,2	22,5
Ниже	16,0	15,1	8,7	6,6	7,3	6,6	20,0
Трудно ответить	4,0	4,1	5,4	3,0	7,7	4,8	4,8

Напомним, что проведенное нами исследование было пилотным. В дальнейшем вместе с нашими польскими и венгерскими коллегами мы планируем продолжить изучение молодежи пограничья, расширив географию исследования и обеспечив его репрезентативность. Однако на основании анализа полученных нами данных можно сделать некоторые выводы касательно жизненных планов и ценностных ориентаций подростков на пограничьях Центральной и Восточной Европы, прежде всего это касается нашей страны.

Вывод первый, к сожалению, пессимистичный. Анализ образовательных планов наших респондентов, их отношения к высшему образованию как жизненной ценности убеждает в том, что образовательный бум (по крайней мере в Украине) продолжается. Это имеет несколько объяснений. Но какими бы ни были стремления выпускников украинских школ на счет высшего образования, как свидетельствуют наши исследования, проведенные среди студентов постсоветских, в том числе украинских, вузов, от курса к курсу их мотивация на получение знаний, а не просто дипломов, во многих случаях приближается к нулю (см.: [Арбеніна, 2012]). Это актуализирует не только, а возможно, и не столько шансы Украины на повышение образованности нации, сколько риски резкого снижения уровня профессиональной компетентности выпускников украинской высшей школы, с чем уже сегодня сталкиваются отечественные работодатели. Эти риски, умноженные на перепроизводство дипломированных специалистов, обусловленное массовизацией высшего образования, на фоне роста в нашей стране дефицита квалифицированных рабочих в разных отраслях производства могут привести (и уже приводят) как к серьезным экономическим, так и к интеллектуальным потерям, поскольку многие молодые украинцы, не имея возможности самореализоваться у себя на Родине, в частности в профессиональной сфере, едут за границу.

Вывод второй, более оптимистичный. Осуществленный нами сравнительный анализ ценностных ориентаций выпускников школ пограничья Центральной и Восточной Европы зафиксировал как различия, так и единство их аксиодискурса, что, на наш взгляд, абсолютно нормально. На пути Украины в Европу ценности ее граждан будут меняться, но, как мы надеемся, не утратят своей культурной аутентичности. Что касается украинских подростков, которые представляют восточное и западное пограничье нашей

страны, то их ценностные ориентации вряд ли могут быть подтверждением известного тезиса Хантингтона о цивилизационном разломе, разделяющем нашу страну на Запад и Восток, которым, по убеждению некоторых местных и зарубежных политиков, “не сойтись никогда”. Украинская молодежь разная, в том числе в ценностном плане, хотя, как показало исследование, общего в ценностных ориентациях молодых людей разных регионов нашей страны больше, чем различий. Можно надеяться, что это послужит основанием для ценностного консенсуса в украинском социуме, ведь ценностное однообразие не может способствовать ни общественному, ни личностному развитию. Как доказывают результаты наших предыдущих исследований, проведенных среди студенческой и школьной молодежи, амбивалентность ценностного сознания, проявляющаяся в одновременном присутствии в нем альтернативных аксиофеноменов, ценностей, представляющих разные культуры (“культурное пограничье внутри нас”¹), делает личность более активной, инициативной, настроенной на инновации (см. : [Сокурянская, 2006: с. 543–544]). Именно такие личности нужны сегодня украинскому обществу.

Источники

Вищі навчальні заклади України. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/osv_rik/osv_u/vuz_u.html

Арбеніна В.Л. Стан навчальних практик сучасного студентства як соціокультурний бар’єр модернізації вищої школи України / Віра Арбеніна, Людмила Сокурянська // Український соціологічний журнал. — 2012. — № 1–2. — С. 27–47.

Бондар Т.В. Навчальний заклад як осередок формування здорового способу життя молоді, що навчається (за результатами міжнародного проекту “Здоров’я та поведінкові орієнтації учнівської молоді (HBSC)”) / Т.В.Бондар. — Український соціум. — 2014. — № 2. — С.99–107.

Кононов І.Ф. Адиктивна поведінка старшокласників м. Луганська: форми та динаміка / Кононов І.Ф. // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки. — 2014. — №10. — С. 47–82.

Кравченко В. В. Представлення о Пограничье и практики их использования / В. В. Кравченко, А. А. Мусиездов, О. А. Филиппова. — Вильнюс: ЕГУ, 2012. — 174 с.

Сокурянська Л.Г. Шкільна молодь українського прикордоння: перспективи та ризики реалізації життєвих стратегій / Сокурянська Л.Г., Щудло С.А. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна. Серія: Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. — 2017. — № 38. — С. 35–40.

Сокурянская Л.Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода : монография / Сокурянская Л. Г. — Х.: Харьковский национальный университет имени В.Н.Каразина, 2006. — 576 с.

Сокурянская Л.Г. Ценностные ориентации подростковой молодежи пограничья Центральной и Восточной Европы (по результатам международного исследования) / Сокурянская Людмила Георгиевна // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць. — Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2015. — С. 251–258.

Українське студентство у пошуках ідентичності: монографія / за ред. В. Л. Арбеніної, Л. Г. Сокурянської. — Х.: ХНУ імені В.Н.Каразіна, 2012. — 520 с.

¹ Именно так сказал польский коллега Артур Цембик, выступая на конференции “На пограничные культур и народов: культура, искусство, образование”, проходившей в Сяноке (Польша) в октябре 2015 года.

Филиппова О.А. “Граница” и “Приграничье” в контексте политик идентичности / О. А. Филиппова // *Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць.* — Харків: ХНУ імені В.Н.Каразіна, 2010. — С. 394–402.

Хобта С. Восточный участок украинско-российской границы: особенности восприятия границы и перспектива демаркации / С. Хобта // *Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць.* — Харків: ХНУ імені В.Н.Каразіна, 2010. — Вип.16. — С. 412–416.

Хобта С.В. Особливості динаміки ціннісних орієнтацій шкільної молоді м. Луганська / Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки. — 2014. — № 10. — С.26–38.

Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка / пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 416 с.

Щудло С.А. Феномени громадянської ідентичності у контексті еміграційних прагнень сучасних студентів: порівняльний аналіз студентства східного та західного регіонів України / С.А.Щудло, Л. Г. Сокурянська, Г. С. Остроухова // *Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць.* — Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна. — 2014. — Вип. 20. — С. 334–343.

Dlugosz P. Introduction / Dlugosz P. // *Youth in Central and Eastern Europe Sociological Studies.* — № 2 (6). — 2016. — P. 7 – 10. — Режим доступа: <http://www.youthjournal.eu/Youth%20Journal%206-2016-3.pdf>

Griffin C. Representation of Youth. The Study of Youth and Adolescence in Britain and America / Christine Griffin. — Cambridge: Polity Press, 1999. — 253 p.

Hall S. Adolescence. Its Psychology and its Relation to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education / G. Stanley Hall. —Vol. II. — New York: D. Appeton and Company, 1904. — 784 p. — Режим доступа: <https://archive.org/stream/adolescenceitps002hall#page/784/mode/2up>

Inglehart R. The Silent Revolution : Changing Values and Political Styles / Ronald Inglehart. — Princeton: Princeton Legacy Library, 1990. — 496 p.

Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies // Ronald Inglehart. — Princeton: Princeton Univ. Press, 1997. — 453 p.

Inglehart R. Theory and Validity of Life Satisfaction Scales / Inglehart R., Diener T. // *Social Indicators Research.* — 2012. — Vol. 112. — P. 497–527.

Scheler M. Wesen und Formen der Sympathie / Scheler M. / *Der “Phenomenologie der Sympathiegefühle”* 2. verm. Aufl. — Bonn : F. Cohen, 1923. — 312 s.

Zelinska M. Opinions on the Events in Eastern Ukraine in 2014 as an Indicator of the Generalised Socio-Political Beliefs, Polish-Ukrainian Comparisons / Maria Zelinska, Ludmila Sokuryanska // *Rocznik Lubuski.* Tom 42, cz. 2a, 2017. — S. 317–344.

Na pograniczach. Szanse i zagrożenia społeczne / Frączek P., Karolczuk J. (red. nauk.). — Sanok : Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa im. Jana Grodka w Sanoku, 2015. — 230 s.

Sadowski A. Procesy narodotwórcze na pograniczach Europy Środkowo-Wschodniej / Andrzej Sadowski. / *Na Pograniczach. Kulturowe obrazy ludzi i miejsc* / Redakcja naukowa Anna Chudzik. — Sanok: Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa im. Jana Grodka w Sanoku, 2015. — S. 21–42.

Sokuryanska L. Tożsamość obywatelska oraz plany emigracyjne studenckiej młodzieży wschodniego i zachodniego przygranicza Ukrainy / Sokuryanska Ludmila, Svetlana Shchudlo / *Transgraniczność w perspektywie socjologicznej. Pogranicza i centra współczesnej Europy II. Roznorodność praktyk i teorii. Seria Monograficzna. Tom IX, część 2* / Red. Dorota Szaban i in. — Zielona Góra: Uniwersytet Zielonogórski, 2015. — S. 293–310.

Sztompka P. Society in Action: the theory of social becoming / Sztompka P. — Cambridge, 1991.

Transgraniczność w Perspektywie Socjologicznej / Redakcja naukowa Maria Zielinska. — Zielona Góra: Lubuskie Towarzystwo Naukowe, 2012. — 439 s.